

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЛЕГЕНД

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Среди юношеской лирики Лермонтова есть стихи 1830—1832 гг., обращенные к неизвестной женщине. Поэт скрыл ее имя, вернее, зашифровал то звездочками, то инициалами Н. Ф. И., то буквой К. Лермонтов любил ее. Быть может, и она сначала была к нему равнодушна. Но затем она вышла замуж за другого. Почти три года Лермонтов изливал в стихах свои возмущенные и скорбные чувства.

Ему было в 1830 году 16 лет. Можно ли всерьез принимать любовь в этом возрасте? Да и существовала ли она в действительности, эта неведомая женщина? Многие исследователи творчества Лермонтова не соединяли этих стихов в единый цикл. Они считали, что это перепевы из Байрона и других иностранных поэтов.

Практия Андроникова не удовлетворила догадки литературоведов, усматривавших в раннем творчестве Лермонтова только подражание иностранным поэтам и поэтому ограничивавших свои разыскания только литературными источниками. Живая струя сильного и подлинного увлечения ощущается в этих стихах. Что из того, что Лермонтов был в ту пору юношей, — не обычный это был юноша.

Андроников приступил к исследованию, которое сразу же стало исследованием, потому что выяснилось любопытное обстоятельство. Чья-то рука стерла имя неизвестной. Были приняты все меры к тому, чтобы оно исчезло из всех литературных памятников и из человеческой памяти.

Андроников стал распутывать нити загадочного дела. Он соединил пытливость литературоведа с настойчивостью следователя. В его литературных разысканиях есть элементы детектива в лучшем смысле этого слова. Мы следуем за ним по старинным помещичьим усадьбам и по старым особнякам Москвы. Мы видим его сре-

ди могил Ваганьковского кладбища. Он перебрасывает нас в Курск, и перед нами оживает дворянская старина с губернаторами и предводителями дворянства. Обо всем этом Андроников рассказывает с увлечением и присущим ему даром создавать литературный портрет.

И вот, след найден. Н. М. Обресков, муж Надежды Федоровны Ивановой, в принадлежавшей семье все письма Лермонтова, все оригиналы его стихотворений, — он принял все меры к тому, чтобы скрыть имя женщины, которая внушила юному поэту такую глубокую и чистую страсть. И все же сохранился, дошел до нас старинный дворянский альбом, в коем полностью названо имя Ивановой и содержатся стихи Лермонтова, оставшиеся сто лет неизвестными.

Разыскания увенчались успехом. Стерто «белое пятно» в истории творчества Лермонтова. Это и само по себе важно. Но ведь дело не в том, чтобы установить имя той, которая дала повод к лирическому произведению поэта. Мы знаем в истории литературы исследователей, потративших огромные усилия для заполнения «донжуанских списков». Литературные результаты этих разысканий были сомнительны.

Андрониковым руководили совсем иные мотивы. Почему ему удалось его поиски? Ответ ясен. Он шел от жизни — от жизни поэта и от жизни общественной среды, родственной поэту. Там, где другие исследователи находили только заимствование из иностранных источников, Андроников видел правду русской жизни. От этого по-иному выглядят юношеский облик Лермонтова. Путь, избранный исследователем, оказался единственно правильным путем.

Этот путь привел к новым открытиям. Юношескую драму Лермонтова «Станный человек» тоже принимали за подражание немецким романтическим произведениям шиллеровской школы. Нет нужды в том, чтобы начисто отрицать влияние на Лермонтова великих поэтов Германии и Англии. Но не с этого надо начинать, когда речь идет о великом русском поэте. Компаративный метод обнаружил и в данном случае свое бесплодие. В качестве подражательного произведения драма Лермонтова «Станный человек» не привлекала к себе особого внимания литературоведов.

Новые разыскания Андроникова обнаружили в основе драмы оригинальный русский материал. То, что казалось копированием иностранных образов, вышло на поверку довольно точным изображением передового студенческого кружка в Московском университете, к которому принадлежал Лермонтов. Возмущение крепостническими правами носило революционный характер. Нельзя говорить о подражании Байрону или Шиллеру. Их влияние отступает на второй план, — и перед нами новый Лермонтов, такой, каким впоследствии его узнал и истолковал Белинский.

А от «Станного человека» один шаг к «Вадиму». И здесь новые разыскания Андроникова обогащают литературу о Лермонтове.

Если «Станный человек» почитался «робкой ученической компиляцией по иностранным источникам», то в «Вадиме» последователи сравнительного метода усматривали только окрошку из произведений Гюго, Вальтер Скотта, Шиллера, Байрона, Шатобриана и т. д. Эти последователи тоже производили изыскания, а иногда весьма сложные. Они тоже проявляли настойчивость и в иных случаях не заурядную эрудицию. Им удавалось открыть, что одна строчка из «Вадима» совершенно совпадает с одной строчкой из Вальтера Скотта, а другая — со строчкой

из Шиллера... Но до чего же тощ, скуден и бесплоден этот метод в литературоведении!

Андроников вскрыл в юношеской повести Лермонтова совершенно реальную картину путающегося восстания в Пензенской губернии. Не литературные источники в иностранных книгах, а подлинная жизнь, насыщенная красками история крестьянского революционного движения, волновала Лермонтова.

Конечно, есть незрелость в юношеских произведениях Лермонтова, сказывается его знакомство с образами иностранных литератур. Андроников отводит надлежащее место этим влияниям, когда говорит об утрированном романтизме произведения, об абстрактном образе самого Вадима. Но основное в повести — это картина мощного крестьянского движения, чувство ненависти к помещикам-дворянам, мучителям народа.

Так проходит Андроников по многим страницам лермонтовского творчества и многое читает по-новому, совершая подлинные открытия.

Вот небольшое стихотворение: «Великий муж! Здесь нет награды, достойной долбести твоей!» Речь идет об историческом деятеле, не признанном современниками. Но, утверждает Лермонтов, его оценят потомки. О нем скажут: «он любил отчизну!»

Кто он? Эйхенбаум предположил на основе своих изысканий, что это Чаадаев. Предположение серьезное, если бы оказалось верным, оно устанавливало бы идейную близость Лермонтова к философу русского пессимизма. Это противоречит представлению о Лермонтове, как о поэте, близком к кругу Белинского. Чаадаев любил отчизну, но он отрицал великую ее будущность. Совсем иначе мыслил о будущем России Белинский.

Разыскания Андроникова убедительно опровергают предположение Эйхенбаума. Оно не подтверждается материалами из жизни поэта. Андроников вводит отрывок о «великом муже» в цикл патристических стихотворений Лермонтова об Отечестве-

ной войне 1812 года. Подлинные деятели этой войны открываются за художественными образами знаменитого стихотворения «Бородино». Это не только поэтическое описание великого сражения, решившего судьбу Москвы и России, — это точное описание действий русской артиллерии в сражении и — еще точнее — действительный батареи Раевского.

Это очень важное открытие Андроникова, потому что оно освещает значительную сторону в литературном творчестве Лермонтова. В основе обобщенных поэтических образов лежит либо непосредственное наблюдение над жизнью, либо точно установленные исторические факты. Анонимное изображение «великого мужа» является художественным портретом полководца Барклая де Толли, русского патриота, не признанного современниками, но оцененного потомками. Ему, как соратнику Кутузова, воздвигается ныне памятник на поле Бородина.

Читая по произведениям Лермонтова повесть его жизни и летопись его времени, Андроников следует за поэтом по его кавказским скитаниям. Окончательно рассеивается налупенный иными литературоведами «сравнительный» туман вокруг «Демона». Открываются связи Лермонтова с декабристами. Все новые и новые черты приходят в литературно-политический облик поэта, и с полным основанием Андроников заключает свою увлекательную книжку словами Чернышевского о том, что Лермонтов был всего ближе по своим политическим симпатиям к кругу Белинского «и только потому, что последнее время своей жизни провел на Кавказе, не мог разделять дружеских бесед Белинского и его друзей».

Вот к чему привели Андроникова новые разыскания о Лермонтове, начавшиеся с того, что ему удалось в доме на Зубовском бульваре найти внучку неведомой женщины, которой юноша Лермонтов посвящал свои ранние стихи. Не только любовь к поэту вела исследователя по верному пути. Важнее было то, что исследователь шел к литературе от жизни, что по-

эзию он рассматривал как отражение реальных чувств и мыслей, что в художественных обобщенных образах он видел действительную историческую жизнь.

И он с полным основанием пришел к выводу: «Итак, новые разыскания о Лермонтове дают возможность отвергнуть ряд неверных утверждений — и прежде всего о преобладающем влиянии на него западноевропейских литературных источников. Взамен этих неверных положений выдвигаются новые, устанавливающие самобытный и народный характер поэзии Лермонтова».

Мы знаем Практия Андроникова как литературоведа, исследователя произведений Лермонтова, и как талантливейшего рассказчика, творца оригинального и своеобразного жанра устного художественного портрета — часто пародийного. Это с первого взгляда как будто два различных Андроникова. Есть ли связь между ними, и что всего важнее в его собственном творчестве?

Книжка «Лермонтов» отчасти отвечает и на этот вопрос. С пытливостью и остроумием исследователя Андроников соединяет мастерство художественной характеристики. Под его пером оживают образы далекой старины. Мы не просто узнаем о ревнивном муже Н. Ф. Ивановой, а словно видим его, слышим его слова. И образ самой Ивановой предстает перед нами в поэтическом ореоле. Книга Андроникова изобилует фактами, датами, ссылками на литературные и иные источники; она снабжена всем аппаратом научного исследования. И вместе с тем это ряд художественных миниатюр, исполненных с точностью мастера тонкого рисунка. Есть страницы, которые можно прочитать с эстрады.

Так в Андроникове-литературоведе мы узнаем Андроникова — талантливого рассказчика-портретиста.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 87

3

Практия Андроников. «Лермонтов». Новые разыскания. «Советский писатель». 1948, 108 стр.